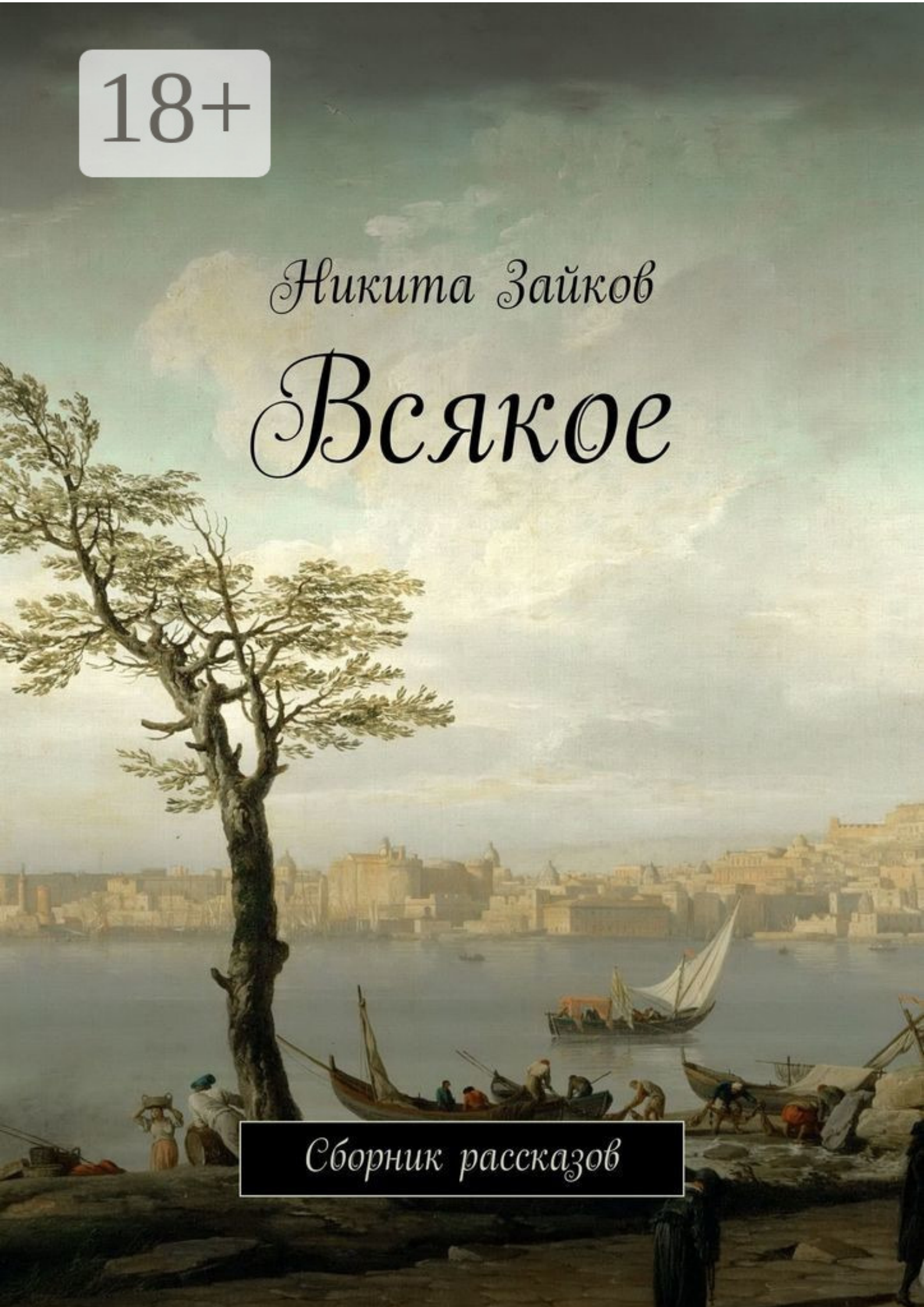

18+

Никита Зайков

Всякое

Сборник рассказов

Никита Зайков

Всякое. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Зайков Н.

Всякое. Сборник рассказов / Н. Зайков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933454-1

Сборник включает в себя три раздела: «Юмор», «Фантастика», «Эпос и драматургия». Есть дневниковые записи, интересные рассказы, пьеса в одно действие и историческая новелла, рассказывающая о Сого-но Эмиси, японском деятеле конца шестого века.

ISBN 978-5-44-933454-1

© Зайков Н.
© Издательские решения

Содержание

Эпос и драматургия	6
ТРАГЕДИЯ	6
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	6
БРЕМЯ	11
ОДИНОК	15
ПЛАСТИКОВЫЕ ГЛАЗА	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Всякое Сборник рассказов

Никита Зайков

© Никита Зайков, 2020

ISBN 978-5-4493-3454-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпос и драматургия

ТРАГЕДИЯ

Комедия в одном действии.

Действующие лица.

Григорий Дмитриевич Медведь, молодой студент.

Пётр Александрович Толстой, местный чиновник средних лет, слегка полный.

Лев Макарычев Блохин, человек бедный, весь погрязший в долгах, лицо бледное, черты звериные: не причёсан, борода, уши остроконечные, как у кошки.

Артём Иванович Шишкин, старичёк-полковник, с большим шрамом на лбу, у него ещё на правой руке дорогие наручные часы.

Андрей Павлович Смохин, адвокат, внешне похожий на клоуна: растрёпанные волосы, блестящие глаза.

Анна Дюран, француженка с русскими корнями. У неё французский акцент.

Действие происходит в вилле с бассейном, которая находится на берегу Чёрного моря.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1.

На первом этаже виллы компания друзей: Медведь с книжкой по анатомии в руках сидит на диване около старой лампы, Толстой рядом с ним и любопытно вглядывается. На столе, который стоит посередине комнаты, тарелка с пирогом. Шишкин пытается не уснуть, покачиваясь в кресле около камина. Блохин лежит на полу в углу, далеко от всех. За окном медленно темнеет, раздаются звуки грома, которые смешиваются с шипением волн, после их ударов о скалы. Немецкий шпиц трясётся от страха под креслом.

Шишкин (*смотрит под кресло*). Гремит так, что кажется Тор действительно существует и бьёт молотом по своей наковальне. Совсем запугал животное!

Блохин. Ты кого там обзываешь? Мне и не страшно! Навыдумывал всякого. Запугал меня там кто-то? (*яростно*) Зверюгой назвал! Сам себя, старик, в зеркало видел? Совсем совесть люди теряют.

Медведь (*отвлекается от чтения*). Да он же не про тебя говорит.

Блохин (*закатывает глаза*). Я это и так знал. Вас вот проверяю!

Пауза.

Толстой. Вот вы, Григорий Дмитриевич, рассматриваете зачем-то внутренности человека в этой книжонке. А лучше бы о политике почитали! Умный человек, а всё-таки к такой глупости привязался. Противно даже: селезёнки, кишечники непонятные. Знаете, что пишут сейчас в газетах?

Медведь. Нет, не догадываюсь.

Толстой (*восторженно улыбается*). Жалко европейцев!

Медведь. К чему их жалеть, Пётр Александрович?

Толстой (*перестает вглядываться в книжку*). Как так? Вы не слышали? Страдают от наших санкций, голодают бедные. Так жалко людей. Были б у меня лишние деньги, то я всем бы там помог!

Медведь. Разве такие у чиновников бывают? Лишние! Насмешили. И я совет тебе дам: не читай ересь всякую, а верь только своей голове, если она у тебя ещё осталась.

Блохин. Согласен с Петей! Вы, Григорий Дмитриевич, заблуждаетесь. Студент очкастый со своими премудростями... Учить ещё вздумал!

Шишкин. Помню, как я голодал, когда был в Европе. Это длинная история. Чтобы её понять, нужно обратиться к моему детству.

Толстой (*застонал*). Только не это! Убейте меня.

Медведь. И вправду, дедушка. Не надо.

Шишкин (*вздыхает*). Потом расскажу...

Толстой (*гордо*). Голодают. А у нас в России другое дело!

Медведь (*снова уставившись в книгу*). Эх... Дураки! Помолчу уж я. Это будет лучше, чем с вами ни о чём болтать.

Блохин (*жалобно*). Деньги в долг не дадите, Петя?

Толстой. Потом, дружок, потом... Подойди лучше, поешь. Смелее. Ко мне, ближе. Ну, ну... Давай!

Блохин (*неуверенно подходит к пирогу, который стоит на столе*). Это можно? Вы не будете ругаться? (*жадно откусывает*) Вкусно!

Толстой. Вот молодец!

Блохин (*задумчиво*). Пряма, как в молодости, когда мама в деревне готовила. Прибегал я, а она трудится для меня. Отец тогда ещё состоятельный был. И живой...

Вместе с ослепляющей искрой от молнии и громом появляется в комнате Смохин, который оглядывает всех печальным взглядом.

Толстой (*хватается за живот, как будто там находится сердце*). Боже! Изыди нечистая сила! (*крестится три раза с удивлённым выражением лица*) Что же ты незаметно подкрадываешься? Так сердце остановиться может...

Шишкин (*грозно*) Что с тобой, Андрей?

Смохин (*с неестественной улыбкой*). У меня беда, настоящая трагедия!

Шишкин. Не знаю, что у тебя там, но жалеть такого забавного адвоката никогда не буду. Лучше вздремну. (*закрывает глаза*) Не за таких я воевал!

Смохин. Старый чёрт... Чтоб ты во сне помер.

Шишкин (*приоткрывает один глаз*). Я всё слышал! Как бы тебе там ни хотелось, я ещё не оглох. Хе-хе-хе.

Смохин (*пугается воспоминаний*) Я расстался с Анной Дюран сейчас! Мы там в ресторане... (*садится на колени возле камина*) Конец! (*упирается головой к столу, закрывает лицо руками*)

Пауза.

Толстой. Бедняга. Мне тебя так жаль! Беда случается всегда с добрыми людьми. Не переживай! Ты заслуживаешь большего (*хлопает Смохина по плечу*).

Смохин (*резко встаёт*). Вот именно. Большого! Она меня не достойна. Я её никогда не любил. Только забава – скучно мне было. Правильно ты говоришь!

Блохин. Всё правильно, подтверждаю. А как насчёт денег? А, Петя?

Толстой (*ласково, глядя по голове Блохина*). Потом, всё потом...

Шишкин (*открывает глаза и растерянно смотрит*). Где это я? Война? А!.. Это вы. Деньги? Вы что-то про деньги. Так лет пятнадцать назад мне одна рыжеволосая девица пыталась объяснить одни нюансы... (*смотрит в какую-то точку на потолке*) Теория про то, что после Октябрьской революции основную ошибку допустили, когда утверждали, что не должно быть богатых! А надо было стремиться, чтобы бедных не было... А вообще ваши деньги – это только способ жить, придуманный самим человеком. Вдумайтесь только: многие покло-

няются способу, простым бумажкам, а ведь надо ценить выше себя, собственный внутренний мир и нравственность.

Толстой. На морале далеко не уедешь. Спи уже! Я же про деньги. Какие теории ещё?

Шишкин (*тоскливо опускает голову*) А я про что? История по теме. Ладно, не буду.

Медведь (*откладывает книгу на стол*) Только не груби, Толстой, пожалуйста ему.

Смохин (*невнятно*). Эх... Вот такие дела. Страдающий я человек, не жить мне больше на этом свете! Бассейн, молнии, темнота...

Пауза.

Медведь. Что же сразу не жить? Может, ты драматизируешь?

Смохин. Как ты можешь? Ты меня не поймёшь, потому что не страдал. Вы жизни не знаете! Я презираю Новый Год, Рождество, Пасху, вашу жизнь, вообще всё!

Медведь. Молодец. Так держать!

Смохин (*улыбается*). Спасибо.

Медведь. Впервые вижу, чтобы человек, который веселится вовсю на Новый год, устраивая вечеринки, презирал праздники.

Смохин. Не понимаю о чём это ты говоришь. (*театрально поднимает глаза вверх*) Жизнь – это страдание. Нет веселья, любви. Всё ложь! (*выдавливает из себя крохотную слезу*) Утону в бассейне, чтобы не страдать больше!

Толстой. Не надо, Андрюша! Гриша пошутил. Да?

Медведь. Когда это я, Пётр Александрович, шутил? Не помню.

Блохин. Только что! Сказал, значит, «молодец», а потом «так держать». Я сам слышал! Злые у тебя шутки.

Медведь. Может, я иронизировал, но даже не думал...

Смохин. Глупец! Смеётся над страдальцем.

Медведь. Грубить только не надо.

Блохин. Так мне кто-нибудь даст взаймы или нет?!

Толстой (*грозит кулаком*) Я тебе куда-нибудь дам... Не до тебя сейчас!

Медведь (*насмешливо улыбается*) Если льва не кормить, то он и накинуться может, Пётр Александрович.

Смохин (*завыл*). Утону!

Толстой. Не нужно! Я тебе помогу. (*стонет*) Как жалко (*кашлянул так, как будто поставил точку в конце предложения*).

Шишкин (смотрит на наручные часы). Поздно. Вот эти часы я снял с немца. Много в тот день людей погибло... Много моих товарищей... Я спать пойду – стар уже, молодёжь (*встаёт*).

Толстой. Вот это новость! Только не умри по дороге, рассказывая самому себе скучные истории.

Медведь. Злые люди! Идите, не обращайтесь внимания.

Шишкин уходит.

Смохин (*растягивает слово*). Утону! (*спокойно*) Конец всему.

Медведь. Ну, так иди, утопленник наш драгоценный! Топись. Чего не идёшь?

Толстой (*качает головой*) Батюшки! Какая трагедия всё-таки.

Медведь. Согласен, но в чём тогда она проявляется? В смерти? А, может, всё-таки в жизни?

Смохин плюёт куда-то в сторону и уходит.

Если в последнем, то только тогда, когда она бессмысленна, глупа до безобразия и основана на таких желаниях, как стремление отличиться, выделиться из толпы гнусным способом. Когда в вашем существовании пропадает цель, а в особенности нравственность, то в этом проявляются страдания вашей души, которые вы можете даже не замечать долгие годы, но они

будут. Что может быть страшнее, чем жизнь, в которую искусственно закачивают смысл, как силикон в губы? И всё для того, чтобы казаться элегантным, но красота в настоящем, в том, что создала для тебя природа, как твоя внешность, и в достойной цели, которую ты обрёл...

Толстой (*лениво*). Болтовню я не люблю, потому что она утомляет.

Медведь. Где, кстати, Андрей?

Толстой (*зевает*). Так он топиться пошёл. (*равнодушно*) Разве не заметил: когда ты начал рассуждать, то он повернулся и ушёл?

Медведь (*вздыхает*). Не удастся мне сегодня почитать. Придётся изучать анатомию души!

Все уходят. Слышно, как стучат капли по крыше дома. Вдруг начинает говорить сначала один мужской голос настойчиво: «Деньги, пожалуйста», а затем раздаётся звук, похожий на бульканье воды, потом – другой: «Болван! Я же не умею плавать! Помогите.»

2.

Входят весёлые Медведь и Блохин, за ними – весь мокрый Толстой, который ворчит, опустив голову. Через несколько секунд появляется мрачный Смохин и догоняет их. Возвращаются на свои прежние места.

Смохин (*чуть ли не плача*) Конченный я человек!

Медведь. Это и так понятно. Мог и не говорить! Пётр Александрович искупался, а как же ты? Зачем пошёл за нами? (*улыбается*) Поплавай что ли! Под дождём и в одежде очень весело купаться. Спроси у Толстого! По нему видно, что он со мной согласен.

Толстой (*передразнивает*). По нему видно... Согласен. Спроси у Толстого.

Медведь. Забавный случай: Блохин бьёт чиновника, а тот падает в бассейн! (*смеётся*)

Толстой (*обижено*). Я всего навсего сказал, что деньги только мои и делиться не буду, а он чего-то...

Блохин. Как жить, Григорий Дмитриевич? Дом я продал из-за долгов перед банком. Кредит не надо было брать! Где жить теперь, не знаю. Раньше ведь у меня всё было: работа, жена, друзья детства. Хоть вы помогите.

Медведь (*задумчиво*) Да... Это в моих силах! Знаю одного человека, которому требуется работник. Я мог бы посоветовать ему тебя.

Блохин (*удивлённо*). Работать?! Это было бы хорошо... Новая жизнь, сначала.

Входит грациозно Анна Дюран в красивом бежевом платье; у неё хорошее настроение.

Смохин (*удивлённо*). Как? Ты тут?

Анна (*спокойно*). А где мне ещё быть? Пошли ужинать, дорогой.

Пауза.

Смохин (*медленно оглядывает всех в замешательстве*) Пошли...

Анна. Здравствуйте, ребята! Можно я его заберу?

Медведь. Лично я буду рад. (*смеётся*)

Блохин. И я... Я тоже, Григорий Дмитриевич!

Анна (*присаживается на край кресла, где до этого сидел Шишкин*). Извини, Андрей, что ругалась в ресторане. С кем ни бывает? Плохое настроение... Но всё же у вас в России так хорошо, так тихо, как мне рассказывала бабушка. (*печально*) Я читала новости, что в моём городке во Франции снова теракт. Беда! Бабушка моя тосковала по России, но тогда я этого не понимала, а сейчас!.. (*задумчиво*) У меня тоже, дорогой, корни славянские. Вот и вернулась кровь назад домой. (*слегка улыбается*) Ночь, бушующие море – всё это романтика, милый. Пошли... Пошли! Потом ещё погуляем...

Смохин (*равнодушно*). Хорошо.

Толстой. Ничего не понимаю!

Смохин обнимет Анну и целует несколько раз в щёку. Они вместе так и уходят.

Медведь. Чего именно? Как в воде очутился? Так я тебе объясню!

Толстой. Нет! Я не об этом. Адвокат же расстался с этой девкой! Так куда они вместе пошли, обнявшись?

Медведь (*смотрит в свою книгу по анатомии*) Эх... Дурак! Не исправить.

Где-то вдали слышится выкрик Анны: «Господи! У вас там старик какой-то мёртвый лежит!» Затем голос Смохина: «Убрать надо.» После этих слов затихают звуки грома, Немецкий Шпиц наконец перестаёт дрожать, не слышно шипения волн и стука капель по крыше. Медведь отвлекается от чтения и смотрит то на Толстого, то на Блохина испуганно. Никто не знает что делать, все сидят со странным выражением на лицах.

Толстой. Зато пенсию государству не надо выплачивать ему теперь.

Медведь. Не почитать мне сегодня! Не судьба... Жаль старичка всё-таки. Время пришло...

Блохин (*радостно*). Жаль, что не почитать вам! Жаль!

Занавес.

ВРЕМЯ

На зелёной скамейке посреди кладбища в окружении сгибающихся сосен над головой сидел старик. Его взор был устремлён на могильную плиту с белой надписью: «Иван Михайлович Русский (1966—2017).» Дрожащая рука еле держала трость, а в глазах чувствовался такой равнодушный холод, который способен вызвать мурашки по коже. Вороны перелетали с горбатых стволов, каркая и передавая неведомые непонятные нашему миру слова. Была осень, поэтому жёлтые листья время от времени сыпались с приятным шелестом.

Вдруг человек в чёрном потрёпанном пиджаке, на котором не было одной пуговицы, пройдя по тропинке несколько метров, остановился и посмотрел на старика в странном недоумении.

– Можно присесть? – обратился к нему незнакомец.

– Конечно... А вы его знали? Знали Ваню?!

– Ивана Михайловича? Да, я знал. Прошу прощения, но с вами я как раз не знаком. Как вас зовут? Кем же Вы всё-таки приходились покойному? – проговорил человек.

– Меня зовут Владимирович...

– Хорошо, что у вас есть отчество. Я за вас очень рад! Но всё же такого быть не может, чтобы человек всю жизнь только с этим ходил. Где фамилия? Не могу... Понимаете? Не могу Вас как-то неуважительно, фамильярно называть! Ишь какой! Владимирович...

– Хорошо, хорошо! Эх... Меня зовут...

– Не Склероз ли, дедуля? Звучит! Склероз Владимирович.

– Нет! Владимир Владимирович...

– Путин? Что? Всё возможно в этом сумасшедшем мире!

– И откуда ты у нас такой остряк взялся? Иванов Владимир Владимирович.

– Так значит! Ладно. Поверю. А меня Фёдор Артемьевич Капустин. Вот и познакомились! Так кем вы приходитесь Русскому? Только побыстрее бы, дед.

– Друг его отца.

– Если увидишь своего приятеля, то передай ему, что он негодяй, бросивший семью! Вот так! Сам ещё не явился...

– Каким Ваня был? Расскажите, пожалуйста!

– Вам это зачем? Хотя ладно... Лишь бы старички потешались. Я таким же, может быть, буду любопытным, когда покроюсь сединой, – задумчиво сказал Фёдор Артемьевич.

Познакомились мы с ним шесть или пять лет назад, – начал свой рассказ Капустин, – Мне тогда показалось, что Иван какой-то скованный – весь был погружён в себя. Впервые я встретил его, когда он снимал квартиру по соседству. Говорил мало: сначала только приветствовал. Тогда я о нём вообще не задумывался, потому что своих дел хватало, суета поглотила меня полностью, но это, дедуля, личное. Зачем тебе что-то про незнакомца знать? Только лишняя информация. Так вот... Выхожу я, значит, неделю назад собаку выгуливать, а соседка моя молчаливый сидит и руками прикрывает лицо. Сначала до меня не дошло... Думаю, пускай если хочет, то сидит. Может, пьян? Тогда я подумал, что незачем мне ввязываться в чужие проблемы. Буду лезть? Я и прошёл мимо. Возвращаюсь с прогулки, а он всё сидит на том же месте, но на этот раз грустно смотрит на облака. Понятно, что у человека горе! Я робко обратился к нему с вопросом:

– Я могу помочь? Что-нибудь стряслось?

– Всё нормально, проходи, куда шёл, – равнодушно ответил Иван.

Я был ошеломлён таким обращением и не сразу оправился от своих собственных чувств: признаюсь, что вся искренняя доброта у меня сразу сошла, осталось внутри негодование и даже ненависть к человеку, чьи проблемы для меня стали безразличны. Слетела маска человечности

на минуту, и я стал, как это ни ужасно вспоминать, неким образом сконцентрированного эгоизма, который жаждал реванша, мести у страдающего соседа, чтобы отстоять своё непонятное право. Я не смог заглушить кипящий бульон чувств:

– Ну и уйду! Чтоб тебе стыдно стало от того, что, может быть, единственный человек в твою минуту переживаний попытался тебе помочь, а ты так с ним обошёлся! Теперь мне тебя не жаль. Пропади ты пропадом! Никто о тебе не заплачет...

Радуюсь тем, что смог хорошо ответить, я повернулся и собрался уйти, но он схватил меня за руку. Представляете, что в этом человеке происходило внутри? Когда я посмотрел ему в глаза, то в них можно было заметить отпечаток, который мои слова оставили в его мыслях.

– Погодите! Не уходите. Заплачут... Заплачут ещё... Я так думаю, – вынул из себя дрожащие слова Иван Михайлович.

Грянули как гром среди ясного неба эти ужасные нотки в голосе, поразившие всю мою душу. Сковали меня эти слова так, что несколько секунд я не мог пошевелиться, но после присел без вопросов около него. Мы пылливо глядели друг на друга. Его карие глаза казались мне землёй, куда погребены кризисы души, все яркие и тусклые краски его жизни, которые он никому никогда не раскапывал, но сейчас почему-то решил предоставить на мой суд и понимание. В какой-то момент Иван начал гладить мою собаку, поминутно шепча ей приятные, ласковые слова. Чувствовалось, что он начнёт скоро говорить.

– Извините за грубость, но Вы тоже должны понимать, какие бывают противные дни и как иногда не хочется ни с кем общаться. Вы не против, чтобы я вам рассказал свою жизнь. Это может показаться странным, но не принимайте это близко к сердцу. Забудьте всё, что я вам скажу, если захотите, но выслушайте, пожалуйста! – встревожено сказал Иван.

Я кивнул ему в знак согласия, и он начал свой рассказ:

– Эх... Консервативный, серьёзный мой характер, который давал мне стремления, трудолюбие, награждал ещё скрытностью и одиночеством. В школе у меня всё-таки был друг, с которым я общался, но весьма редко. Один раз у нас с ним был разговор насчёт морали, а именно о природе мести. Я утверждал, что в ней нет ничего постыдного, она даже обязательна. Говорил, что в случае, если другой человек причинил твоему сердцу нестерпимую боль, отчаяние, сломав твою жизнь, то месть обязательна. Тогда мой друг, Дмитрий Олегович, приводил аргументы в ответ сначала нелепые: вроде того, что моральные принципы необходимо соблюдать, а затем, услышав от меня странные для него слова и словосочетания, как «к чему» или «обоснуй», «не понятен смысл», начинал путаться и в конечном итоге просто переставал спорить. Дима тупо смотрел на меня, недоумевая, как донести свои мысли. Он, как и большинство русских людей, любил искусство спора, в котором оттачивал ум, но ненавидел (я это чувствовал) моё слово «обоснуй», повторяемое с целью привести в тупик человека.

– Как курица кудахчет, – ворчал обычно мой друг, но в тот раз решил обойтись без взаимных товарищеских оскорблений и на моё удивление стал вещать ораторскую проповедь, закончив её утверждением о том, что сам я никогда в жизни ни только не убью человека ради смутной справедливости, но и не трону мухи, которая будет летать и жужжать прямо перед моим носом! Мы поспорили... Если случай подвернётся... Что взять с детей?

– Вы убили кого-то? – прервал его рассказ я, усмехнувшись.

– Какой вы, оказывается, нетерпеливый, – продолжил он, – Спустя несколько лет я закончил институт, и пришла пора первой настоящей любви. Стираются лица из памяти. Очень жаль! Но от неё всё же многое из воспоминаний остались: поцелуи, когда я её провожал до дома, который был для меня каким-то грустным сказочным местом, где терялась в паутине жизни нить между мной и ней; нежные руки, прикасающиеся легонько, как будто бы случайно, к моим пальцам; сверкающие глаза, которые играли своей янтарной молодостью в опасный флирт. Наш роман закончился тем, что я предпочёл карьеру и уехал далеко. Мы друг друга любили, у нас могло получиться, как сейчас говорит молодёжь, поэтому я ненавидел, когда

сидел в поезде, направляющимся далеко от родных мест, себя и её... За что её? Не знаю. Наверное, потому что она была причиной моей душевной муки, которую я сам себе избрал... Одиночество подчиняется, Федя, лишь волкам. Моя депрессия продолжалась колебаниями долгие годы. Я добился успеха, как и хотел, но не почувствовал удовлетворения. В один день пришло решение: я собрался к ней, но боялся. Много тревожных мыслей охватило, как огонь, моё хрупкое сознание: вдруг она замужем или забыла меня и теперь не примет. Но я отбросил всё внутрь себя, снаружи оставив только липовую смелость в глазах и бровях. Перед тем, как уехать, я ходил по комнате, скрестив руки за спиной, и думал под звуки тикающих часов, смотрел на диван, обшитый кожей, малахитовую шкатулку, на свои золотые часы, и все эти вещи причиняли мне боль. Чего тут надо было думать? Я рассуждал, когда летел в самолёте, но так и не мог понять, для чего она мне нужна. У меня же всё есть, но одновременно и ничего... Страх сжимал сердце от волнения пред встречей, но только я не мог подумать, что её уже нет.

Она умерла, а точнее её убили кухонным ножом. Лишил жизни муж, Артур Богатов, а его в психушку отправили. Я плакал, опустошённый, у ступеней того самого дома, перед которым порвалась наша нить навсегда, связующая души непонятно для чего. Злость вспыхнула, которую я стыжусь до сих пор; той ночью я не спал вовсе. Всё бродил по тому тёмному городу, не признавая его преобразений, смотрел на тучи и бледную Луну, но ничего не мог понять в своей жизни. Я, полный презрения к её мужу, решил разыскать его – и убить. Вся жизнь похожа на череду преступлений и грехов разной степени тяжести! Вспоминая детскую шутку, я намеривался совершить отчаянный поступок, достойный того сумасшедшего, ради даже не её. Признаюсь, потому что уж решил до конца исповедаться не перед Богом, в которого я уже не верую, а перед вами, мой друг. Я признаюсь, что ради себя хотел убить, потому что этот псих отнял у меня счастье, но тогда я не смел подумать, что на самом деле это я сделал: погубил нас обоих. Она бы не вышла за ненормального! У её мужа, который, кстати, довольно богатый, были связи, чтобы спихнуть всё на диагноз, а этот случай с убийством, я думаю, произошёл в порыве страсти, гнева. Я отыскал его в диспансере, который находился на одной улице с тюрьмой. Не помню, как мне это удалось, но я смог пронести заострённую деревяшку, – говорил он, смотря мне в лицо.

На последнем слове Иван Михайлович остановился, его губы приобрели белый цвет, руки нервно двигались. Он по-видимому вспоминал подробности, а я жалел, что решил выслушать этого человека, потому что теперь мне было неловко и страшно.

– Так вот, – продолжил Русский, – Ко мне вышел человек, покрывшийся старческими пятнами, с лысиной и седыми волосами на бакенбардах, нервно дрожащей опухшей головой. Его как будто осушили, потому что красные от зуда руки были тонкими, как спички. Глаза его испуганно смотрели по сторонам, пока не остановились на мне. Казалось, что он ждал уже давно именно встречи с каким-то незнакомцем, который спасёт его от страданий, потому что сонная артерия этого Артура бешено билась.

– Кто вы? Я вас не знаю, – заговорил Богатов.

– Как кто? – растерялся я, Иван Русский, не ожидая услышать адекватную речь от этого бедняги. Потом я сообразил, что мой вопрос, мягко говоря, странен.

– А!.. Это вы, – неуверенно сказал Артур, но по глазам читалось, что этот человек ничего не понимал и был чуточку шокирован тем, что он обязан знать меня.

– Хм... Я? Да... Это я.

– Хм... Это хорошо! Хорошо, что вы остались в конце концов собой... Вот я себя, видимо, где-то потерял. Что-нибудь хотите от меня?

Мне стало жалко его. Представляете? Я спрятал моё оружие в карман и только удивлялся переменной настроенности. Мне в тот момент почему-то так ясно представилось, что этот мужчина наказал себя: обрёл на страдания душу в этом Богом забытом месте. И никто ему не поможет, даже та милая девушка в халате, которая стояла около него; её внимание привлекал скорее

пустой шкаф, чем Артур. Я уверил себя, что отомщу ему уже тем, что оставлю в живых. Ты осуждаешь меня, Фёдор? Мне всё равно... Но ты должен отметить очень важный аспект: я его не убил.

– Как можно! Ваня, ты был на грани, которая отделяет нас от... – хотел возразить я, прервав этот грустный рассказ.

– Пофилософствуете, соседка, в другое время. Мне ни к чему наставления от других. Я хотел, чтобы только выслушал и больше ничего! Ты единственный, кто знает обо мне так много, поэтому теперь мы друзья. Закончилось же всё как-то так:

– Ничего. Я ошибся. Извините, – ответил я Богатову. Он только усмехнулся, а я ушёл в раздумьях. Это было два дня назад. Вы мой друг, Федя! Прощайте. И самое главное...

– Что? – поторапливал я, Капустин, его.

– Не говори моему школьному другу, Дмитрию Олеговичу, что я проиграл ему пять рублей. Право, не знаю сколько это будет сейчас, – сказал он, вставая со ступенек, пожал мне крепко руку и улыбнулся.

– Договорились. До свидания.

– Ага, – тяжело сказал Ваня со вздохом.

На этом, старик, и закончилась наша дружба. На следующий день его нашли мёртвым в своей квартире и с пулей в голове. Там, говорят, была ещё предсмертная записка, адресованная его отцу, который убежал по каким-то причинам из семьи, когда Ване исполнилось шесть лет. На ней засохли пара капель крови, она была читаемая, но я её не видел.

Фёдор Артемьевич Капустин достал из внутреннего кармана своего потрёпанного пиджака зажигалку и вынул из бело-красной коробки, на которой написано «курение убивает», сигарету. Он закурил, а дым разносился над могилой. И в этом таинственном молчании старик смотрел на серое облако от своего нового знакомого.

– А ведь к чему жил? К чему страдал и переносил все трудности? Где его задача в этом мире? Пришёл и ушёл. Вот и всё. Да ещё как ушёл! Действительно, неисповедимы пути Господни! Променял счастье на деньги! Считал, что месть приемлема! Но не нам уже его судить... Эх... Надо всегда находить в себе силы, жить любой ценой, даже не для себя хотя бы, а для других, но нельзя лишать себя того дорогого подарка, который ты не ценишь, не понимаешь! Ещё жить надо с достойной целью, ценить выше нематериальное, как любовь. Иначе беда, дедушка... Всё-таки в смерти есть страшная красота, своя таинственная загадка, потому что она открывает нам то, что мы не замечаем в повседневной жизни, наталкивает на мысли, о которых мы бы никогда не задумались. Как ты считаешь?

Неожиданно старик заплакал, встав на колени перед могильной плитой.

– Ты чего это? Хочешь я помолчу? Эмоциональный уж больно! Ишь какой! Владимирович...

– Меня зовут на самом деле Михаил Владимирович Русский. Я его отец! Отец Вани! – в истерике закричал старик, а его голос, походивший скорее на вой одинокого волка, пробежал по кладбищу.

Фёдор Артемьевич Капустин никак не ожидал такого поворота событий, поэтому он нечаянно оторвал вторую пуговицу на своём пиджаке, а его сигарета упала на влажную почву, тихо потухнув. Шли дни, а этот вестник болезней, смертей лежал всё в том же месте, засыпанный листьями вместе с бело-красной коробкой, откуда он и появился. Только теперь около плиты с белой надписью больше никто не сидел. Лишь изредка прилетали вороны с ужасающим карканьем.

ОДИНОК

ПЛАСТИКОВЫЕ ГЛАЗА

Первый рассказ.

*Мы одинокими приходим в этот мир и одинокими покидаем его.
Зигмунд Фрейд.*

Мэдока Ёсида пытался уснуть. За окном шёл снег и слышно было, как ветки деревьев бьют по крыше. Он думал о своих кукла, которых собирал с двадцати семи лет.

«Вон та, что лежит в углу, с зелёным глазами, конечно, красивая, но у меня ещё нет блондинки. Нужно купить...»

Проезжали машины, свет от их фар попадал в комнату, и эти глаза искрились, словно изумруды, а пластиковое лицо преображалось под светом так, что было непонятно, действительно, это кукла или всё же в ней есть что-то живое. Для её владельца она то улыбалась, тогда Ёсида радовался вместе с ней, то хотела плакать, когда у него самого было скверно на душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.